

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Когда я был мальчишкой, я страстно любил географические карты. ...В то время немало было белых пятен на Земле, и, когда какой-нибудь уголок на карте казался мне особенно привлекательным (впрочем, привлекательными были все глухие уголки), я указывал на него пальцем и говорил: «Вырасту и поеду туда».

Джозеф Конрад «Сердце тьмы»¹

¹ Пер. А. Кравцовой.

1. Подземная парковка

Старик шел к автомобилю — опрятный, степенный, солидный, в темно-синем блейзере, из нагрудного кармашка торчал кончик серебристого платка. Уложенные волосы — тоже серебристые — поблескивали в свете фонарей подземной стоянки. В походке — едва заметная неуверенность, и хотя он опирался на трость — полированную, красного дерева, с серебряным набалдашником в форме глобуса, — вероятно, прихватил ее всего лишь для эффекта.

В тени широкой бетонной опоры стоял еще один человек — по фамилии Вроблески. Массивных размеров, он в то же время выглядел подтянутым, внушительный рост и вес таили в себе намек не на полноту, а на средоточие плоти и энергии. Плоское лицо избороздили хмурые морщины, взгляд тяжелый, затаенный. Старик подошел к машине и достал ключи. Вроблески разгладил на себе пиджак. Некоторые любят пользоваться на работе особым снаряжением — черными, облегаящими лицо очками, шарфами,

черными же перчатками из козьей кожи. Вроблески этого не одобрял, предпочитая добротный костюм, но — ввиду характера предстоящей работы — не слишком дорогой.

Старик был похож на свой автомобиль. Оба — лощеные, элегантные, без видимых изъянов и чуть-чуть медлительные. Вроблески вышел из тени, расслабил руки, приблизился к старику.

— Неплохой аппарат, — кивнул он на машину.

Старик слегка удивился, не ожидая кого-либо увидеть. Тем не менее он сохранил невозмутимость и лишь кивнул. Да, мол, хороший.

— И долго такой служит?

— Понятия не имею, — учтиво ответил владелец, намекая, что подобные вещи его мало волнуют.

— Все верно. Вы — тот, кто мне нужен.

— Сомневаюсь, — возразил старик. — Мы знакомы?

— Моя фамилия Вроблески.

Старик постарался не подавать виду, но не очень преуспел. Его подвела поджатая нижняя губа.

— Неужели? Вроблески? Собственной персоной?

— Слышали, значит.

— Я думал, вы не более чем гадкая страшилка.

— Если бы.

— Пришли убить меня?

— Угадали. Хорошо, когда обе стороны понимают, что к чему.

— Отнюдь нет, — спокойно возразил старик. — Я полагаю, вы совершаете ошибку.

— Я никогда не ошибаюсь.

Взгляд старика скользнул по окрестностям — от глубоких теней к ярким пятнам искусственного света. Оба знали: там ничего нет — ни путей эвакуации, ни кнопок экстренного вызова, ни добрых самаритян. Камеры видеонаблюдения не работали.

— Но почему? — спросил старик.

— Потому что мне заплатили.

— Это не ответ.

Разговор надоел Вроблески. Он прикинул, не бросится ли старик наутек — пожилые мужчины порой гордятся своей физической формой. И нет ли у него пистолета — некоторые воображают, что успеют им воспользоваться. Наивные. Вроблески уже достал свой собственный пистолет и выстрелил старику в правую ногу. Брючная фланель и плоть взорвались фонтанчиком, жертва упала на колено.

— О боже, — тихо произнес старик, одной рукой обхватив раненую ногу и взявшись за грудь другой. «У него, часом, не сердечный приступ? — подумал Вроблески. — Вот была бы хохма».

У старика не осталось сил стоять на одном колене, он повалился на бок, хватая ртом воздух.

— Вы что, не могли меня сразу застрелить? — с издевкой спросил он.

— Какой в этом кайф? — ответил Вроблески.

И выстрелил в другую ногу. Удар пули заставил старика выпрямиться плашмя, разбросав

ноги; теперь он держался за грудь обеими руками. Ключи от машины валялись поодаль. Вроблески поднял их и открыл центральный замок. Сунув руку в кабину, поднял крышку багажника, сгреб раненого и сложил его внутрь, как чревоушатель свою куклу. Еще и место осталось. Конструкторы обо всем подумали. Вроблески хлопнул крышку.

— Вы там как? — крикнул он.

Из багажника что-то ответили, но неразборчиво. Вроблески понял, что старик дышит и пока еще в сознании.

Он сел за руль, завел машину, немного поддержал двигатель на холостых оборотах, включил заднюю скорость и втопил педаль газа, отчего машина понеслась задом к стене на противоположной стороне стоянки. Багажник врезался в мертвенно-бледный, в резиновых прокладках бетон. Вроблески не сомневался, что хватило и одного раза, однако на всякий случай сделал повторный заход. Потом вышел, осмотрел разбитый корпус машины. У старика будет такой же вид.

Вроблески не подавал условных знаков и никому не звонил; ровно в назначенное время с верхнего этажа парковки по пандусу съехал и остановился прямо перед разбитым автомобилем тягач-эвакуатор. Из кабины вылез молодой мосластый чернокожий парень в комбинезоне цвета индиго и начал закреплять трос на машине старика.

— Благодарю тебя, Аким, — с подчеркнутой вежливостью сказал Вроблески. — Приятно

иметь дело с человеком, уверенным, что всякий труд благороден.

Вроблески осмотрел место, где автомобиль врезался в стену. На бетонный пол пролились различные жидкости, лужицы и ручейки образовали затейливый узор неслучайного характера, который иному наблюдателю мог показаться картой неисследованных земель. Убедившись, что к ним не примешалась кровь, убийца поздравил себя с отлично выполненной работой.

2. Что сказала работница соцслужбы

— У вас довольно оригинальные жилищные условия, мистер Мур.

— Спасибо, — ответил Билли Мур, посылая улыбку, каковую большинство людей приняли бы за обаятельную. Он знал, что лицо не подведет — вызывающее доверие, бледное, волевое, с налетом жесткости, лицо крутого, но в целом порядочного мужчины. Билли был одет в непривычную для него новенькую белую рубашку, настолько свежую, что не успели разгладиться складки из-под упаковки. Надетый для комплекта алый галстук арканом сдавливал шею. «Интересно, обучена ли эта баба замечать подобные вещи? — подумал Билли. — Угадает ли она, что моя любимая одежда — красиво потертая кожаная куртка?»

— Я не имела в виду комплимент, — заметила соцработница.

— А я и не принял ваши слова за комплимент. Просто брякнул, не подумав.

Работница социальной службы, миссис Дженет Маркус («зовите меня просто Джен»), крупная женщина на излете среднего возраста, казалась добросердечной, полной сочувствия, даже по-матерински заботливой — и старательно подерживала это впечатление.

— В вашем положении, мистер Мур, следовало бы думать, что говорить.

— Вы правы. Я что-то разнервничался.

— Для этого нет причины.

— Точно? Ведь вы пришли проверить, какой из меня родитель. Вашей власти достаточно, чтобы забрать у меня дочь. Как тут не нервничать?

— Ну хорошо, я вас понимаю. Обсудим тогда ваши необычные жилищные условия.

Они беседовали на стоянке машин у окраины деловой части города, на углу Хоуп-стрит и 10-й улицы. Перед ними стоял длинный, приземистый жилой прицеп, старый, почти коллекционный, не обтекаемый — горбатенький, с наружными панелями безрассудно синего и желтого цвета; окна-иллюминаторы прикрывал полосатый козырек.

— Мистер Мур, вы живете в прицепе на паркинге.

— Я его хозяин.

— Вот как?

— Конечно. Паркинги — мой нынешний промысел.

— Вы здесь работаете?

— Делаю карьеру. Это моя страсть, миссис Маркус. С прежней жизнью покончено. Теперь я приношу пользу тем, кому надо что-нибудь запарковать.

Билли бросил фразу небрежно, хотя не совсем лукавил. Соцработница несколько рассеянно, но без пренебрежения кивнула.

— А почему живете в прицепе?

— Это не простой трейлер. Это «Лофгрэн Колонист».

— Что, хороший?

— Ну-у... не такой хороший, как «Эйрстрим», но пользуется известной популярностью. Заходите, посмотрите внутри.

Женщина послушно поднялась по ступенькам и вошла через низкий дверной проем в ярко расцветченную, слабо освещенную капсулу.

— Мы — в жилом отсеке, оформленном в знаменитом стиле «Лофгрэн люкс». Вот обеденная ниша, эргономичная кухня, фирменные окна «Термогрейс».

— Тесновато здесь.

— По мне, так просторнее некуда.

— Две спальни?

— Разумеется.

— Одна — ваша, вторая — дочери?

— О, нет. Она живет отдельно.

— Как это?

Билли Мур отдернул с фирменного окна занавеску с рисунком бамбука и указал на еще один трейлер в нескольких метрах, похожий на первый во всех отношениях, но как бы уменьшенный на половину.

— У вашей дочери свой прицеп?

— «Лофгрэн Скамп», модель поскромнее. Карла сейчас там.

— Давайте заглянем к ней.

— Обязательно.

Билли Мур открыл заднюю дверь и сделал несколько шагов от одного трейлера до другого. Он церемонно постучал в оконное стекло малого прицепа, из которого через минуту выглянула Карла Мур, двенадцатилетняя дочь Билли. На ней была школьная форма, длинные черные волосы забраны в хвостик на затылке, на кончике носа балансировали очки. Девочка держала увесистый том учебника математики, вставив в него большой палец вместо закладки.

— Заходите, — радушно пригласила Карла.

Билли пропустил чиновницу вперед. Та вошла и окинула взглядом складной столик с ноутбуком, полку с неплохим набором книг, вазу с цветами, разбросанные подушки с рюшами, большую мохнатую коалу наверху мини-холодильника. Еще она заметила тарелку овсяного печенья и свежесваренный мятный чай. На заднем плане едва слышно играла классическая музыка.

— Бах, — угадала соцработница.

— Точно, — подтвердила Карла. — Вам тоже нравится?

Миссис Маркус еще раз осмотрела помещение — на этот раз неторопливо.

— А что? — сказала она. — Здесь довольно мило.

— Правда? — просияла Карла.

Чиновница осторожно присела, взяла себе чаю и печенья, что на время заставило ее замол-